

Майкл Каннингем
Начинается ночь

Michael Cunningham
By Nightfall

Майкл Каннингем

Начинается ночь

роман

Перевод с английского
Дмитрия Веденяпина

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44
К19

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Каннингем М.
К19 Начинается ночь : роман / Майкл Каннингем ; пер. с англ. Д. Веденяпина – М.: Астрель : CORPUS, 2011. – 352 с.

ISBN 978-5-271-36944-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Майкл Каннингем – один из талантливейших прозаиков современной Америки, не часто радует читателей новыми книгами, зато каждая из них становится событием. В последнем романе “Начинается ночь” (*By Nightfall*, 2010) главным героем – Питер Харрис, владелец художественной галереи, отчаявшийся найти настоящую красоту в современном искусстве, где господствует китч. Его привычная жизнь с постоянными проблемами (работа, непростые отношения с дочерью, “кризис среднего возраста” и т.д.) неожиданно взрывается с приездом Миззи, младшего брата его жены. Сорокалетний Питер ослеплен Миззиной красотой – юный шурин для него становится любимым произведением искусства, в нем он находит идеальное воплощение совершенства и свободы, которой лишен сам. Однако эротическое увлечение циничным и запутавшимся наркоманом грозит Питеру крахом его внутреннего мира, провоцирует кризис семейных отношений...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(4Сое)-44

ISBN 978-5-271-36944-5 (ООО «Издательство Астрель»)

- © 2010 by Mare Vaporum Corp.
By arrangement with the Author.
All rights reserved.
- © Д. Веденяпин, перевод на русский язык, 2011
- © А.Бондаренко, оформление, 2011
- © ООО “Издательство Астрель”, 2011
Издательство CORPUS ®

Содержание

Вечеринка	11
Бронзовый век	41
Ее брат	68
История искусства	104
Братоубийство	141
Ночной город	176
Объект неопределимой ценности	208
Призовые куры	248
Мечты, мечты	284
<i>Слова благодарности</i>	351

Гейлу Хокману и Джонатану Галасси

Красота есть начало ужаса.

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

Вечеринка

Приезжает Мистейк. Остановится у них.

— Это ты из-за Миззи такой недовольный? — спрашивает Ребекка.

— Конечно нет, — отвечает Питер.

Где-то в верхней части Бродвея машина сбила лошадь, одну из тех несчастных кляч, что катают туристов, — в результате пробка до самого Порт Осороти, и теперь Питер с Ребеккой опаздывают.

— Может, пора уже называть его Итан? — говорит Ребекка. — Наверное, кроме нас, никто уже не обращается к нему “Миззи”.

Миззи — уменьшительное от Мистейк.

Из окна такси видны голуби, перепархивающие через синий рекламный щит “Сони”. Величественный — в своем роде — бородатый старик в засаленном плаще до пят (большой и важный Бак Маллиган), без труда опережая еле-еле ползущие машины, толкает пе-

ред собой продуктовую тележку, доверху наполненную бог знает чем, распиханным по бесчисленным пакетам для мусора.

В салоне пахнет освежителем воздуха — смутно-цветочный аромат без явной привязки к конкретному цветку, что-то сладковато-химическое, немного дурманящее.

— Он сказал тебе, на сколько приезжает? — спрашивает Питер.

— Нет.

Теперь в ее глазах — тревога. Она привыкла беспокоиться о Миззи (*Итане*) и уже ничего не может с этим поделать.

Питер не наседает. Кому хочется приезжать на вечеринку в споре?

У него легкие рези в желудке, а в голове вертится “*I’m sailing away, set an open course for the virgin sea...*”¹. Это еще откуда взялось? Последний раз он слушал Стикс в Университете.

— Нужно четко оговорить с ним сроки, — предлагает он.

Она вздыхает, кладет руку ему на колено, смотрит в окно на Восьмую авеню, по которой в данный конкретный момент они вообще не двигаются. Ребекка — женщина с волевым лицом, ее часто называют красивой, именно красивой, а не *хорошенькой*. Возможно,

1 Я уплываю, уплываю в открытое девственное море (англ.). (Здесь и далее — прим. перев.)

она замечает, а может быть, и не замечает, этих своих мимолетных знаков внимания, всех этих мини-жестов, призванных ободрить и успокоить раздраженного Питера.

A gathering of angels appeared above my head¹.

Питер смотрит в окно со своей стороны салона. Автомобили в соседнем ряду продвигаются вперед рывками по несколько сантиметров. Сейчас рядом с ними нечто тойотаобразное, синий покоцанный седан, набитый бурно радующимися молодыми людьми. Всем им на вид немного за двадцать, музыка на такой громкости, что такси Питера с Ребеккой начинает потряхивать от этих невероятных тыц-тыц-тыц. Их шестеро, нет, семеро, они валятся друг на друга, что-то беззвучно орут или поют; крепкие ребята, принарядившиеся по случаю пятничного вечера; поблескивают смазанные гелем волосы, вспыхивают серебряные сережки и цепочки. Их ряд едет чуть лучше, и еще через минуту они уходят вперед, но Питер успевает заметить, ну или, по крайней мере, ему так кажется, что один из четверых на заднем сиденье никакой не юноша, а старик в черном парике, топорщащемся во все стороны, как иглы дикобраза. Он тоже что-то орет и пихается наравне со всеми, но у него узкие бескровные губы и впалые щеки. Вот он обхватывает голову соседа, что-то кричит ему на ухо (просверкивают белоснежные виниры), и в следующую секунду они пропадают из виду. А еще че-

1 Ангелы появились над моей головой (англ.).

рез миг рассеивается и звуковой шлейф. Теперь на их месте коричневый грузовичок, украшенный золотистым изображением бога FTD¹ в сандалиях с крыльшками. Цветы. Кто-то получит цветы.

Питер оборачивается к Ребекке. Старик, прикидывающийся молодым, это то, что можно было бы *вместе увидеть*, но на историю это не тянет, верно? Да и, вообще, они на грани ссоры. За столько лет совместной жизни научаешься различать тончайшие оттенки всяких настроений и состояний.

Вероятно, Ребекка почувствовала, что внимание Питера снова переместилось внутрь такси. Он ловит на себе ее недоуменный взгляд, словно его присутствие — для нее новость.

Если он умрет первым, будет ли ей казаться, что он, пусть бестелесно, рядом с ней в спальне?

— Не волнуйся, — говорит он, — на улицу мы его не выкинем.

Она поджимает губы.

— Нет, правда, мы должны дать ему понять, что существуют определенные границы, — говорит она. — Нельзя вечно идти у него на поводу!

Минуточку! Это что — упрек? Разве это *он* избаловал ее непутевого брата?

— И какое же время представляется тебе приемлемым? — спрашивает он, с удивлением отмечая, что она, похоже, не слышит призыва раздражения в его го-

1 FTD (FiToDesign) — Флора-Ателье (*англ.*).

лосе. Неужели можно до такой степени не чувствовать друг друга после стольких лет, прожитых бок о бок?

Она задумывается и вдруг с видом человека, внезапно вспомнившего о неотложном деле, резко подает вперед и обращается к водителю:

— Откуда известно, что в этой аварии пострадала лошадь?

Несмотря на все свое недовольство, Питер не может не восхититься женским умением задавать прямые мужские вопросы неагрессивным тоном.

— Диспетчер сообщил, — отвечает водитель, постукивая пальцем по наушнику. Его лысая голова важно покоится на толстой загорелой шее, как на постаменте. У него, без сомнения, есть своя история, к которой они (хорошо одетая пара средних лет на заднем сиденье его такси) не имеют ни малейшего отношения. Согласно табличке, прикрученной к спинке водительского кресла, его зовут Рана Салим. Индия? Иран? Может быть, там, откуда он приехал, он был врачом, или разнорабочим, или вором. Как узнаешь?

Ребекка кивает, снова откидывается назад.

— На самом деле, меня сейчас гораздо больше волнуют другие вещи, — говорит она.

— Какие?

— Ему нужно научиться рассчитывать только на себя... А кроме того... Ну, ты понимаешь... Мы все еще беспокоимся, сам знаешь из-за чего...

— И, по-твоему, тут ему может помочь старшая сестра?

Она обиженно закрывает глаза. Хотя как раз сейчас он совершенно искренне пытался выразить сочувствие.

— Я просто хочу сказать, — продолжает Питер, — что... В общем, пока он сам не захочет измениться, никто ему не поможет. Наркотики — бездонная пропасть.

Она не открывает глаз.

— Он уже целый год ничего не употреблял. Когда же мы наконец перестанем считать его наркоманом?

— Не знаю. Может быть, никогда.

Он что, превращается в моралиста? Или просто изрекает трюизмы типа “освобождение от наркозависимости в двенадцать этапов”, которых поднабрался невесть где?

Проблема истины в том, что она слишком часто звучит беспомощно и банально.

— Может быть, он и сам уже мечтает о стабильности, — говорит Ребекка.

Может быть. По электронной почте Миззи информировал их, что ему было бы интересно попробовать себя в области искусства. Это что-то новенькое. Никогда раньше ни о каком *искусстве* он не заговаривал. Но это не важно. Миззи изъявил желание заняться чем-то позитивным — многих (*некоторых*) радует уже это.

— Если так, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы *обеспечить ему стабильность*, — отзывается Питер.

Ребекка благодарно сжимает его колено. Правильная реплика.

Кто-то за ними угрожающе сигналит. Интересно, какой в этом смысл? Что, по его мнению, это изменит?

— Может, выйдем и пересядем на метро? — предлагает она.

— Куда ты спешишь? Теперь у нас есть уважительная причина прийти не рано.

— А это не значит, что нам придется и *уйти* не рано?

— Ни в коем случае! Обещаю увезти тебя до того, как Майк напьется и начнет к тебе приставать.

— Вот за это спасибо.

Постепенно они все-таки кое-как доползают до пересечения Восьмой авеню с южной оконечностью Центрального парка, где еще не до конца ликвидированы последствия аварии. Вот переносные ограждения, вот двое полицейских, перенаправляющих транспортный поток в сторону Коламбус-сёркл, вот припаркованный под углом к Пятьдесят девятой улице искореженный белый “мерседес”, кажущийся ярко-розовым в отблесках полицейских мигалок. А вот сбитая лошадь, накрытая черным брезентом. Судя по очертаниям, вон там — круп. Брезент плотный, тяжелый, больше ничего не разобрать.

— О, Господи, — шепчет Ребекка.

Питер знает, что любое несчастье, любое напоминание о таящейся вокруг опасности сразу же вызывает у нее (у них обоих) мгновенную паническую мысль, не случилось ли чего-нибудь с Би. А вдруг она, не поставив их в известность, приехала в Нью-Йорк? А вдруг

она — мало ли что? — решила прокатиться на лошади, поиграть в туристку, хотя ничего более невероятного и придумать нельзя.

Похоже, с появлением детей становишься невротиком на всю оставшуюся жизнь. Даже если твоей дочери уже двадцать, и она — непонятно почему — вечно всем недовольна и не то чтобы слишком преуспевает за 240 миль отсюда, в городе Бостоне. Особенно в этом случае.

— Есть что-то странное в том, что такая лошадь попала под колеса, — говорит он, — как-то не думаешь, что такое в принципе возможно. Как будто они уже не вполне животные.

— Да, конечно, это целая история... То, как с ними обращаются...

Разумеется. Рана Салим крутит баранку в ночную смену. По улицам бродят бездомные в тряпичных обмотках вместо обуви. У этих лошадей наверняка незавидная участь: потрескавшиеся от асфальта копыта... Вообще, насколько чудовищно заниматься тем, чем он занимается, на фоне всего этого?

— Что ж, тогда это на руку защитникам лошадей, — говорит он.

Откуда этот бесчувственный тон? Он хотел, чтобы его слова прозвучали твердо, но не бессердечно. Его самого часто ужасает то, *что* и *как* он говорит. Порой ему кажется, что он так и не освоил толком родной язык, свое же собственное Питерово наречие — и это к сорока четырем годам!

Минуточку! Ему только сорок три. Откуда в нем это желание состарить себя на год?

Стоп, ему уже исполнилось сорок четыре в прошлом месяце.

— Ну, может быть, тогда эта бедняга погибла не зря, — говорит Ребекка и как бы в утешение проводит пальцем по его подбородку.

Какая семейная жизнь обходится без этих бесконечных прикосновений, всех этих несчетных проявлений сочувствия, терпких, как зубная паста? Ясно какая: несчастная. А какая пара не несчастна, по крайней мере, временами? И все-таки, невозможно объяснить нынешнее, если верить статистике, резкое увеличение числа разводов. Каким же отчаявшимся нужно быть, чтобы решиться на реальный разрыв, на жизнь за пределами этого привычного не-одиначества.

— Мрак, — говорит водитель.

— Н-да...

Но на самом деле Питер, разумеется, очарован этим видом развороченной машины и сбитой лошади. Не в этом ли жутковатая привлекательность Нью-Йорка? Да, это мрак и кошмар, как Париж Курбе. Грязный, вонючий, опасный город, пропахший смертью.

Честно говоря, ему жаль, что лошадь накрыта брезентом. Ему бы хотелось увидеть оскаленные желтые зубы, вывалившийся язык, черную лужу крови на мостовой. И не только из тривиального интереса смертно-го к смерти, но ради возможности свидетельства. Ради чувства, что они с Ребеккой не просто претерпели вы-

нужденные неудобства из-за гибели животного, но, пусть где-то совсем сбоку, являются *участниками события*, что происшедшее включает их готовность *не отвернуться*. Ведь не случайно же нам всегда хочется видеть покойника. Когда они с Дэнном обмывали тело Мэтью (бог ты мой, пролетела уже почти четверть века), разве не испытал он что-то вроде душевного подъема, о котором, естественно, ни слова не сказал ни Дэнну, ни кому бы то ни было еще.

Такси вползает на Коламбус-сёркл и набирает ход. На высокой гранитной колонне и венчающей ее статуе Колумба (который, как выясняется, был кем-то вроде организатора массовой резни, не так ли?) — едва угадываемые бледно-бледно-розовые отсветы полицейских огней с места гибели лошади.

*I thought that they were angels, but to my surprise, we...
ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла... and headed for the skies...¹*

Смысл вечеринки в том, что вы приехали на вечеринку. Награда — после поужинать где-нибудь вдвоем и вернуться домой.

Частности могут отличаться. Сегодня их хозяйка — Елена Петрова (ее муж всегда в отъезде, вероятно, лучше не выяснять, чем именно он занимается), умная, громкая и откровенно вульгарная (Питер с Ре-

1 Я думал, это ангелы, но, к моему удивлению, мы... и ушли в небеса... (англ.)

беккой все никак не могут договориться, представляет ли Елена, сколько стоят ее украшения, помада, очки, то есть является ли это сознательным *заявлением*, — хотя трудно поверить, что можно быть такой умной и богатой и не представлять себе этого); у нее есть небольшая, очень хорошая работа Артшвагера и большая вполне приличная картина Мардена и раковина Гобера, в которую некий гость — так и оставшийся неизвестным — однажды опорожнил пепельницу; есть величественно-неподвижный Джек Джонсон, восседающий восковой куклой на изящном канаве рядом с Линдой Нилсон, горячо лепечущей что-то в арктические расщелины его лица; первая рюмка (ледяная водка; сегодня Елена подает какую-то никому не ведомую, но предположительно знаменитую марку, привезенную из Москвы; способен ли кто-нибудь — Питер определенно нет — почувствовать разницу?), за которой следует вторая, но не третья; несмолкаемый гул голосов, сверканье и блеск невероятного богатства, от чего всегда немного кружится голова независимо от нажитого опыта; быстрая проверка, как там Ребекка (слава богу, все в порядке: болтает с Моной и Эми, какое счастье иметь жену, не нуждающуюся в помощи в подобных ситуациях); неизбежные разговоры с Бетт Райс (ему очень жаль, что не получилось выбраться на открытие, слышал, что работы Инксы потрясающие, обязательно зайдет на неделе) и с Дагом Петри (ланч через понедельник, непременно) и с другой Линдой Нилсон (да, о чем речь, я, конечно, встречу с ваши-

ми студентами, позвоните мне в галерею, и мы определимся с датой); отправление естественных надобностей под рисунком Келли, недавно приобретенным и почему-то повешенным именно здесь (нет, вероятно, Елена чего-то не понимает — если она могла поместить такое в ванной, значит, она и с очками не шутит); решение — а почему бы нет? — выпить третью рюмку; заигрывание с Еленой (*Классная водка! — Ангел мой, для вас у меня всегда найдется рюмочка* (он понимает, что она понимает и, возможно, презирает его за этот намек на флирт, за это “будь-у-меня-шанс-я-бы-его-не-упустил”)); работа Теренса Коу, а рядом с ней Эммет и костлявый истеричный Майк Форт, опрокидывающий рюмку за рюмкой, вероятно, готовясь к охоте на Ребекку (Питер сочувствует Майку, ничего не может с этим поделать, поскольку сам, спустя тридцать лет, все никак не может поверить, что Джоанна Хёрст *не любила его, даже ни капельки*); фантастически красивый официант, украдкой говорящий на кухне по сотовому (Друг? Подруга? Секс по вызову? В парнях, обслуживающих подобные мероприятия, есть хоть какая-то тайна); затем снова в гостиную, где — упс! — Майк все-таки зажал Ребекку в угол и теперь что-то яростно ей втолковывает, а бедная Ребекка затравленно озирается в надежде на обещанную помощь. Быстрая проверка, не забыл ли он кого-нибудь; прощальный разговор с Еленой — она сожалеет, что пропустила выставку Винсента (*позвоните, я бы хотел показать вам еще кое-какие работы*). Прощание

с Бетт Райс, подозрительно эмоциональное с ее стороны (что-то не так); вырывание Ребекки из лап Майка, (*прости, нам пора, надеюсь, до скорого*). Паническая, вымученная улыбка Майка, и — пока, до скорого, спасибо, увидимся на следующей неделе, да, конечно, жду звонка, о'кей, пока, пока.

А потом опять — такси и домой, в даунтаун. Иногда Питеру кажется, что в конце своей земной карьеры, когда бы это ни случилось, он обязательно вспомнит эти поездки на такси. Как бы ни были омерзительны запахи (на этот раз никаких отдушек, только легкая вонь бензина и машинного масла) и каким бы неуместно агрессивным ни было вождение (их теперешний таксист — любитель рваного ритма “газ-тормоз”), все равно возникает чувство защищенности, безопасного плаванья по улицам этого фантастического города. Они пересекают Центральный парк по Семьдесят девятой улице — один из красивейших ночных маршрутов. Парк погружен в темно-зеленый сон о себе самом, просквожен золотисто-зелеными огнями, выхватывающими из черноты островки травы и асфальта. Разумеется, тут могут скрываться несчастные и отчаявшиеся: беженцы, убийцы... Мы, как умеем, справляемся с этими постоянными противоречиями, с этими невозможными переплетениями красоты и уродства.

— Ты не спас меня от урагана Майка, — говорит Ребекка.

— Неправда, как только я увидел, что он тебя все-таки поймал, я тут же бросился на выручку.

Она сидит, обхватив себя за плечи, съежившись, как от холода, хотя никакого холода нет и в помине.

— Да-да, я знаю, — говорит она.

Но он все равно не оправдал ожиданий? Похоже, что так.

— Что-то происходит с Бетт, — говорит он.

— Райс?

А разве там были *другие* Бетт? Сколько раз уже он отвечал на такие абсолютно бессмысленные вопросы, на сколько шагов после каждого подобного “диалога” он ближе к взрыву накопленной за годы ярости из-за того, что Ребекка позволяет себе *отсутствовать*, просто не замечать того, что творится вокруг.

— Мм...

— Что это может быть?

— Понятия не имею. Она как-то странно попрощалась. Не знаю... Надо будет завтра ей позвонить.

— Бетт в определенном возрасте.

— Ты хочешь сказать, что у нее климакс?

— В частности.

Он не перестает удивляться этим регулярным маленьким манифестациям женской уверенности. Это ведь прямо из Джеймса и Элиот, не так ли? В сущности, мы сделаны из того же теста, что Изабель Арчер и Дороти Брук.

Они выезжают на Пятую авеню, сворачивают направо. В этом месте парк опять становится страшным, кажет-

ся, что в его ночных деревьях прячется что-то такое, что может напасть. Интересно, окрестные миллиардеры тоже это чувствуют? Когда водители развозят их по домам, ощущают ли они, как и он, глядя в эту черноту, свою временную защищенность от некой неведомой голодной силы, неотступно следящей за ними из-за темных стволов?

— А уже известно, когда именно Миззи приезжает? — спрашивает Питер.

— Сказал, на следующей неделе. А там кто его знает? Это же Миззи.

— Мм...

Ну да, это Миззи. Молодой человек со сложной духовной жизнью и недюжинными интеллектуальными способностями, предпочитающий не связывать себя лишними обязательствами. Вот теперь, после некоторых раздумий, он решил попробовать себя в *области искусства*; разумеется, никакой конкретики. Вероятно, предполагается, что юноше с его умом и талантом стоит только захотеть, и — как же иначе? — идеально подходящая работа возникнет сама собой.

Эти женщины — его мать и сестры — погубили несчастного ребенка. Да и кто бы сохранился, окруженный таким безудержным обожанием?

По-прежнему зябко обнимая себя за плечи, Ребекка поворачивается к Питеру.

— Тебе не кажется, что все это дикость?

— О чем ты?

— Вот эти фуршеты, вечеринки, все эти чудовищные люди.

— Ну, совсем не все из них чудовищные.

— Я понимаю, но мне просто надоело, что вопросы задаю только я. Половина из них вообще не знает, чем я занимаюсь.

— Неправда.

Ну, или, во всяком случае, не вполне правда. Ребеккин литературно-художественный журнал “Блю Лайт” и в самом деле не пользуется особой популярностью у этой публики — это не “Артфорум” и не “Арт ин Америка”. Нет, конечно, там тоже печатают статьи об искусстве, но еще поэзию, прозу, и — о, ужас-ужас! — обзоры моды.

— Если ты не хочешь, чтобы Миззи останавливался у нас, — говорит она, — я подыщу ему другое место.

А, стало быть, все дело в Миззи! Младший брат, свет ее жизни.

— О чем ты говоришь? Сколько лет я его уже не видел? Пять? Шесть?

— Наверное. Ты же не приезжал к нему туда... в Калифорнию.

Внезапное угрюмое молчание. Она что, обиделась на него за то, что он тогда не поехал в Калифорнию? Или это он обиделся на нее за то, что она обиделась? Уже не вспомнить. Во всяком случае, с Калифорнией явно было что-то не так. Что именно?

Вдруг она наклоняется и нежно целует его в губы.

— Эй? — шепчет он.

Она утыкается носом ему в шею. Он обнимает ее за плечо, притягивает к себе.